

ХУДОЖНИКИ ПАРИЖСКОЙ ШКОЛЫ ИЗ БЕЛАРУСИ**А. В. Медведев***Гомельский государственный технический университет
имени П. О. Сухого, Беларусь*

Научный руководитель И. А. Грищенко

В 2011 г. ОАО «Белгазпромбанк» выкупил несколько картин М. Шагала, С. Царфина, О. Цадкина, Х. Сутина, М. Кикоина, П. Кремера, О. Любича, положив начало корпоративной коллекции картин художников из Беларуси. Это было возвращение на родину забытых имен художников Парижской школы, которые успешно работали, снискали мировое признание.

Парижская школа – это группа художников, задающая тон европейской культуре XX в. в виде разных направлений. Значительную часть этого сообщества составляют художники – выходцы из Беларуси. В первой четверти XX в. богемная жизнь Парижа перекочевала с Монмартра на Монпарнас. Художников Париж привлекал как передовой центр мирового искусства. В конце XIX в. появилось множество частных школ, где преподавали известные мастера. За умеренную плату можно было нанять натурщиков. Бурно развивался рынок искусства.

Путь к успеху для многих художников был долгим и тернистым. На этом фоне Марк Шагал считался счастливчиком, так как раньше остальных художников выходцев из Беларуси добился успеха. С 1900 по 1905 г. М. Шагал учился в Витебском четырехклассном училище. Сам художник не без иронии так вспоминал этот период своей жизни: «Здесь мне не было равных. Прямые углы, треугольники, квадраты – чудный, запредельный мир. Ну, а на рисовании мне не хватало только трона. Я был в центре внимания, мной восхищались, меня ставили в пример. Но слово «художник» было таким диковинным, книжным, будто залетевшим из другого мира, – может, оно мне и попадалось, но в нашем городке его никто и никогда не произносил. Это что-то такое далекое от нас! И сам я никогда бы на него не натолкнулся. Но однажды ко мне пришел в гости приятель. Обозрев картинки на стенах, он воскликнул: «Слушай, да ты настоящий художник!» ...Он ушел, оставив меня в недоумении. Я вспомнил, что действительно видел где-то в нашем городке большую, как у лавочников, вывеску: «Школа живописи и рисунка художника Пэна». «Жребий брошен. Я должен поступить в эту школу и стать художником» [1, с. 54]. Переехав в Петербург, М. Шагал занимался в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, которую возглавлял Н. К. Рерих, а в 1909–1911 гг. продолжал занятия у Л. С. Бакста и Е. Н. Званцевой.

М. Шагал приехал впервые в Париж в 1911 г., и начало его жизни в этом городе было классически нищенским. В 1912 г. он перебрался в знаменитый «Улей» – место проживания и работы многих художников. В «Улье» плата за проживание была мизерной, но и условия жизни не отличались комфортом: перебои с электричеством, отсутствие водопровода, отопления в большинстве мастерских не было. Зимой обитатели «Улья» почти не мылись, а чтобы не замерзнуть, натягивали на себя весь гардероб [2, с. 56]. Спустя много лет М. Шагал как-то сказал, что в «Улье» можно либо умереть, либо уйти оттуда знаменитым [2, с. 44]. «В Париже я всему учился заново, – вспоминал художник. – Повсюду – в музеях и выставочных залах – делал для себя открытия. Никакая академия не дала бы мне всего того, что я почерпнул, бродя по Парижу, осматривая выставки и музеи, разглядывая витрины» [1, с. 104]. Хотя Париж стал для Шагала воплощением света, цвета, радости, он его все-таки называет

«вторым Витебском». Даже по тональности картин Париж и Витебск у Шагала совпадают. Несмотря на смелость самовыражения, художник всячески дистанцируется от новомодных авангардных течений. «Долой натурализм, импрессионизм и реалистический кубизм, – писал он. – Пусть подавятся своими квадратными грушами на треугольных тарелках! Лично я не думаю, что научный поворот хорош для искусства. Искусство для меня – состояние души!» [2, с. 44]. В 1913 г. М. Шагал при содействии Г. Аполлинера продал первую большую работу – «Посвящение Христу» (переименована в «Голгофу»). Уже в мае 1914 г. состоялась персональная выставка художника в Берлине. М. Шагал вернулся на время в Витебск, чтобы жениться на Белле Розенфельд. Он входит в элиту российской творческой интеллигенции. Его работы приобретает меценат Иван Морозов. В. Маяковский подарил ему книгу с надписью «Дай Бог, чтобы каждый шагал, как Шагал» [2, с. 78]. Революции 1917 г. внесли коррективы в жизнь не только М. Шагала, но и других художников. У Марка Шагала был короткое время «роман» с Советской властью: художник был назначен уполномоченным коллегии по делам искусств Народного комиссариата просвещения в Витебской губернии. Революционная романтика быстро сменилась реалиями большевистского режима. Шагал, почувствовав, что работать ему не дадут, принял решение вернуться с семьей в Париж. «Хватит, не хочу быть ни учителем, ни директором. Хочу писать картины. Все мои довоенные работы остались в Берлине и в Париже, где меня ждет студия, полная набросков и неоконченных работ. Единственное мое желание: работать, писать картины. Ни царской, ни советской России я не нужен. Меня не понимают, я здесь чужой» [1, с. 183].

Одновременно с М. Шагалом начинают свой творческий путь его земляки. Осип Цадкин не стал другом М. Шагала, хотя они учились вместе в Витебском городском четырехклассном училище и в той же Рисовальной школе Ю. Пэна. Обучение О. Цадкин по настоянию отца продолжил в Лондоне, где он изучал резьбу по дереву, учился в Политехнической школе, работал в столярной мастерской, а в 1909 г. уехал в Париж на учебу в Национальной школе изящных искусств. Первая его персональная выставка состоялась в 1920 г., а выставка его скульптур на Венецианском биеннале 1932 г. свидетельствовала о международном признании.

Кикоин, Кремень, Сутин – в отношении этих художников во Франции часто использовали русское слово «тройка». Их связывала долгая дружба, почти одновременное появление в Париже, но судьбы личные и творческие сложились по-разному. Хаим Сутин родился в местечке Смиловичи Минской губернии. Он был десятым ребенком в семье из одиннадцати детей бедного портного-еврея. Даты своего рождения он не знал (1893 или 1894 г.). В семье на него смотрели как на «пришибленного пыльным мешком» [2, с. 25]. Он рисовал, а это порицалось в среде иудеев. Два старших брата издевались над Хаимом, часто били, приговаривая: «Еврей не должен заниматься глупостями!» Он терпел побои за украденные сковороды, которые обменял у старьевщика на карандаши. Юноша убежал из дома, скитался по окрестным лесам, ночевал в сарае или на сеновале. С того времени у Сутина возникла привычка, которая позже удивляла его французских друзей: чтобы улучшить настроение и вернуться к работе, он надолго исчезал из Парижа [3, с. 52]. За изображение раввина его побили в лавке мясника до полусмерти. Родители потребовали компенсации от обидчиков и на полученные деньги отправили Хаима в Минск учиться ремеслу фотографа. Цвет крови и туш, висевших в лавке, где он корчился от побоев, будет увековечен художником Сутиным на полотнах и станет его своеобразным брендом. Патологическая любовь к красному породила его неповторимую манеру письма – что бы ни изображал Х. Сутин, это напоминало выворачиваемое наружу чрево, словно

живое тело разрывает рог быка или некий инстинкт, призванный природой не убежать, а уничтожить человека. Получив первые уроки рисования в минской школе Я. Кругера, Х. Сутин вместе со своим другом М. Кикоиным перебирается в Вильно, где учебу в рисовальной школе совмещает с работой ретушером. Именно в Вильно Сутин начинает понимать, что только искусство поможет ему «стать человеком».

Михаил Кикоин родился в 1892 г. в Гомеле в семье служащего. Вскоре после его рождения семья переезжает в Витебскую губернию, а потом в Минск. С Х. Сутиным М. Кикоин познакомился в Рисовальной школе Я. Кругера. М. Кикоин увлекся политикой, а связь с революционными организациями испортила его отношения с семьей. В Вильно Кикоин и Сутин познакомились с П. Кременем. Все трое были полной противоположностью друг другу. Х. Сутин – нервный, пессимистичный, в его работах отразился страх и чувство обездоленности. П. Кремень – уравновешенный, здравомыслящий, отзывчивый на чужую беду. М. Кикоин – бунтарь-оптимист, жизнелюб. Они приехали в Париж в 1913 г. Положение Х. Сутина оказалось самым тяжелым. Чтобы заработать на еду, Хаим Сутин работал сторожем на железной дороге. Ходил в лохмотьях, перебивался с хлеба на квас, менял жилье, а когда приходил срок платить за комнату, спасался от судебных исполнителей [3, с. 52]. Иногда ночевал он у приятелей. Кикоин и Кремень его подкармливали, хотя сами были не на много богаче. От тоски и безысходности многие обитатели «Улья» пили. Сутин пытался образумить и Кикоин, и Кремень. Их опека спасла художника.

В отличие от М. Шагала Х. Сутин не поэтизировал ни прошлое, ни родину. В его искусстве вообще не было ностальгии. Он рисовал то, что видел, что чувствовал. Последнее было главным [3, с. 53].

Как и Х. Сутин, Сэм Царфин также был родом из Смилевич. В Париж он ехал окольными путями через Палестину, Берлин и оказался во французской столице тогда, когда многие его земляки уже добились первых успехов – в 1924 г. Побывав в Лувре, С. Царфин в сердцах уничтожил все свои работы, настолько они показались ему беспомощными. В Париже он начнет все заново и приблизится к успеху накануне второй мировой войны.

Вторая мировая война станет не просто тяжелым, а опасным испытанием для многих художников из-за их национальной принадлежности. На оккупированной территории Франции всех евреев ждал лагерь. Правительство Петена заключило с нацистами соглашение о выдаче евреев с не оккупированной территории Франции. В США эмигрировали М. Шагал, Надя Ходасевич, О. Цадкин. М. Кикоин только после уговоров сына и друзей уезжает из Парижа. В Тулузе его ждет П. Кремень, и они вместе скрываются всю войну от возможной депортации в концлагерь. Войну не пережил Х. Сутин. Друзья организовали для него убежище на оккупированной территории. Он умер в 1943 г. в результате поздно сделанной операции. Из-за опасности ареста он не мог обратиться вовремя к врачу.

В послевоенный период художники Парижской школы успешно работали, снимали мировое признание, даже смогли своими работами вернуться на родину.

Л и т е р а т у р а

1. Шагал, М. З. Моя жизнь / М. З. Шагал. – М. : ЭЛЛИС ЛАК, 1994. – 186 с.
2. Счастный, В. Г. Художники Парижской школы из Беларуси / В. Г. Счастный. – Минск : Четыре четверти, 2012. – 175 с.
3. Крэпак, Б. Вялікі дзівак са Смiлавiч / Б. Крэпак // Мастацтва. – 2006. – № 3. – С. 52–53.